

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

ВЫДАТЬ
ЗАМУЖ
ВЕДЬМУ-ФЕЮ

Надежда Соколова

Выдать замуж ведьму-фею

«Автор»

2026

Соколова Н. И.

Выдать замуж ведьму-фею / Н. И. Соколова — «Автор», 2026

Я вернулась на Землю, практика завершена. Вот только почему же мне так тоскливо здесь, дома? Дартис, жди меня! Я намерена скоро вернуться к тебе! Ну и заодно - к одному драконистому красавцу!

© Соколова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Надежда Соколова

Выдать замуж ведьму-фею

Глава 1

Прошло три месяца. Три долгих, серых, земных месяца, которые тянулись как жвачка, прилипшая к подошве, — вязко, бессмысленно и с каждым днём всё противнее. Я просыпалась каждое утро в своей маленькой квартире, и первое, что видела, — белый потолок с едва заметной трещиной, похожей на высохшую реку. Я лежала неподвижно, прислушиваясь к себе, и ждала, когда вернётся то щемящее ощущение розового света за окном, которое было со мной все те недели в Дартисе. Там даже утро пахло иначе — озоном и нагретой листвой. Здесь же пахло сыростью, старыми обоями и остывшим чаем.

Я лежала, и в голове просыпалась надежда: может, сегодня? Может быть, стоит только повернуться к окну, и я увижу не привычный унылый двор с голыми ветками тополей, а башни, шпили, зелёное небо на рассвете? Но вместо этого — серое небо, низкое, тяжёлое, набрякшее дождём, как старая подушка. Слякоть хлюпала под колёсами редких машин, холодный ветер с реки пробирался даже сквозь закрытые рамы и, казалось, дул прямо в позвоночник. И никакого Барсика, который дрых бы на моих ногах, нагло развалившись поперёк одеяла, — там, в Дартисе, он спал со мной каждую ночь, урча так, что вибрировали пружины кровати, и я просыпалась оттого, что его пушистое рыжее тело расплзлось по мне, как живое одеяло. Здесь его не было. Только тишина, которую нарушал звук проезжающих машин — монотонный, чужой, земной.

Я работала в лавке бабушки Серафимы — той самой, что когда-то стояла на самой окраине города, где дорога переходила в грунтовку и запахи становились гуще, деревенскими. Лавка помнила ещё те времена, когда бабушка была молодой и ходила в длинных юбках с медными монетами в кармане. Теперь же она осела чуть вбок, будто устала стоять прямо, её деревянные стены посерели от дождей, но внутри пахло так же, как и сто лет назад: сушёными травами, воском, старыми книгами, пылью. Запах оседал на одежде, на коже, даже на волосах, и иногда я ловила себя на том, что вдыхаю его глубже, чем нужно, будто пытаюсь удержать хоть что-то настоящее в этом мире серых оттенков.

Бабушка, хоть и была ведьмой со стажем — настоящей, с дипломом, выданным, кажется, ещё до революции, — последние годы предпочитала сидеть дома. Она говорила, что устала «бегать за клиентами, как за упавшими яблоками», и теперь её мир сузился до кухни с закопчённым чайником и бесконечного вязания. Шерстяные носки и варежки горами лежали у неё в комоде, но она продолжала вязать, словно боялась, что если остановится, то мир перестанет вращаться. Когда я вернулась из Дартиса — вывалилась в свою квартиру с грохотом и чувством, что мою душу вывернули наизнанку, как старый чулок, — она посмотрела на меня поверх очков, долго молчала, а потом сказала: «Тебе полезно будет. Руками работать, людей слушать. Меньше думать о прошлом». И передала мне ключи от лавки.

Но я думала. Постоянно. Даже когда мешала настойки, перебирала корешки или раскладывала карты для очередной клиентки — на задворках сознания всегда крутился тот же образ: зал, залитый золотом фонарей, тёплый голос Ричарда, его пальцы, касающиеся моей руки, и запах грозы перед тем, как он поцеловал меня в последний раз. Я прокручивала эти моменты, как заевшую пластинку, до головной боли, до дрожи в пальцах, и каждый раз чувствовала, как внутри разливается что-то тягучее и горькое — как недоваренный сироп из полыни.

Лавка была старой, как сама бабушка. Высокие стеллажи из тёмного дерева, кое-где покореженные временем, тянулись к потолку, заставленные стеклянными банками, в которых

хранились коренья, ягоды, грибы и всякая диковинная мелочь, названия которой я иногда забывала. На банках висели этикетки, написанные бабушкиным мелким почерком: «зверобой (собр. в полнолуние)», «корень девясила — от тоски», «лепестки шиповника — на счастье». Пучки сушёных трав свисали с потолка на верёвках, касаясь макушек и шелестя при малейшем сквозняке, словно старые призраки, перешёптывающиеся о чём-то своём. В углу, накрытая вышитой скатертью с узорами, которые бабушка называла «защитными», стоял стол для гаданий. Хрустальный шар на нём почти всегда был накрыт чёрным бархатом — я почти не использовала его, боялась, что если загляну внутрь, то увижу не Дартис, а что-то более жуткое. Свечи, восковые и сальные, лежали в ящиках, книги с потрескавшимися корешками теснились на нижних полках, колоды карт хранились в резных шкатулках, каждая из которых помнила десятки чужих судеб. Это было место, где время текло иначе — медленно, вязко, как мёд, который не хочет стекать с ложки. Здесь одна минута могла растянуться в час, а час пролететь как вздох.

Клиентов было немного, но достаточно, чтобы я не сходила с ума от собственных мыслей. Они приходили, садились на скрипучие стулья, смущались, пахли потом, духами, дождём, и рассказывали мне то, что не решались сказать даже близким. Женщины с вопросами о любви — их пальцы теребили края платков, глаза искали в моём лице ответ, которого я не могла им дать. Мужчины с просьбами о деньгах — они приходили с опущенными плечами, будто несли на них всю тяжесть мира, и просили «хоть что-то, чтобы повезло». Пару раз даже приходила девушка с пропавшей кошкой, и я нашла её — сидела под крыльцом соседнего дома, напуганная, мокрая, с дрожащим хвостом. Я использовала простую настойку валерианы и чуть-чуть магии, которой, клянусь, в своей работе почти не использовала. Я вообще старалась не колдовать здесь, на Земле. Слишком много правил, слишком много шума, и каждое заклинание отдавалось в голове глухой болью, будто кто-то стучал изнутри. Но иногда, когда никто не видел, я позволяла себе маленькие фокусы — зажечь свечу без спичек одним движением пальца, подогреть чай одним касанием, остановить муху, которая слишком навязчиво гудела над столом, и смотреть, как она застывает в воздухе, беспомощная и смешная. Магия была, она никуда не делась. Просто я прятала её, как старую рану под бинтом, чтобы никто не заметил, что на самом деле я всё ещё там, в Дартисе, среди драконов и призраков, среди дворцовых интриг и тихого счастья за ужином.

Однажды в лавку зашла женщина. Она была ещё не стар, но усталость уже вырезала глубокие морщины вокруг губ и глаз, а веки её опухли от слёз. Она вошла, оглядела стеллажи с таким видом, будто искала не настойку, а ответ на вопрос, который мучил её годами, и тихо попросила «настойку от одиночества». Я долго смотрела на неё — на её руки, которые дрожали, когда она перебирала мелочь в кошельке, на её плечи, опущенные под грузом привычного одиночества. Потом я перевела взгляд на банки с травами — на мяту, на пустырник, на валериану, что стояли рядышком и ждали своего часа. И вдруг, как молния, меня пронзила мысль: я сама хочу выпить такую же. Прямо сейчас. Прямо здесь. Залпом, до дна, чтобы исчезло это ноющее чувство внутри, будто кто-то вынул из меня главную деталь и забыл вернуть. Только мне не помогало ничто. Ни валериана, которая должна была успокаивать, но лишь притупляла остроту, ни пустырник, от которого становилось сонно и ещё более пусто, ни даже те редкие вечера, когда я оставалась одна в лавке, запирала дверь, доставала брошь, доставшуюся от кронпринца, и смотрела на неё в тусклом свете свечи. Я водила пальцем по её холодной поверхности, вспоминала зал, где мы танцевали, фонари, которые дрожали в вечернем воздухе, и тихий голос Ричарда — он говорил о каких-то пустяках, а я слушала и думала, что готова слушать его вечность.

— У вас есть любимый человек? — вдруг спросила женщина, и её голос прозвучал так неожиданно в тишине лавки, что я вздрогнула и чуть не уронила банку с мятой.

Она смотрела на меня с тем особым выражением, которое появляется у людей, когда они чувствуют родственную боль, — её глаза встретились с моими, и на секунду мне показалось, что она видит меня насквозь, видит ту часть меня, что заперта глубоко внутри и не показывает лица. Её вопрос повис в воздухе, тяжёлый и горячий, как пар над чашкой.

Я замялась. Пальцы сжали край прилавка так сильно, что побелели костяшки. Любимый? Я не знала. Это слово было слишком маленьким для того, что я чувствовала. Слишком земным. Я знала, что я оставила там что-то важное — не просто место, не просто человека, а целый мир. И людей, которые стали частью меня, вплелись в мою кровь, как те травы в бабушкиных банках. Я чувствовала их присутствие в каждой клетке, и когда тишина давила, я слышала их голоса, как эхо из глубокого колодца.

— Есть, — сказала я наконец, и мой голос прозвучал тихо, почти шёпотом. Горло перехватило, и я прокашлялась, чтобы не выдать, что слёзы подступают к глазам. — Только он в другой стране.

Я не стала уточнять, что «другая страна» — это даже не страна, а другой мир, где законы физики работают иначе, где магия течёт в воздухе, как электричество в проводах, и где я была кем-то, а не просто девушкой за прилавком. Женщина посмотрела на меня с той мудрой печалью, которая приходит с годами и потерями, и ответила просто, как будто это было самое очевидное в мире:

— Так вернитесь.

Она взяла настойку — пузырёк с мутной жидкостью, которая пахла мёдом и горькой полынью, — положила на прилавок мелочь, медленно пересчитав каждую монету, и вышла. Дверь за ней закрылась с тихим скрипом, и звякнул колокольчик над входом — тот самый, что бабушка повесила ещё в молодости, чтобы «нечисть не входила, а хорошие люди заходили».

А я осталась стоять у прилавка. Стоять неподвижно, слушая, как стучит моё сердце в ушах и как тикают старые часы с кукушкой, которая давно не вылетала. Её слова ударили меня током — я почувствовала, как мурашки пробежали по спине, как заныло в груди, и руки, стоящие на прилавке, вдруг покрылись испариной. Вернуться. Легко сказать. Она не знала, как я билась головой о земную реальность, пытаюсь найти хоть трещинку, хоть лазейку, через которую можно было бы просочиться обратно. Бабушка не оставила инструкций — ни одной страницы с рисунками порталов, ни обрывка карты. Магия, которой я владела, была хороша для мелочей — зажечь свечу, подогреть чай, увидеть сон о прошлом, — но не для порталов. Я чувствовала силу внутри себя, но она была как вода в закрытом кувшине — рядом, доступная, но неспособная пролиться наружу. И даже если бы я могла открыть переход, где гарантия, что я попала бы именно в Дартис? Что я не очнулась бы в каком-нибудь другом мире — с пыльными болотами, где вместо травы растут папоротники-людоеды, и агрессивными гоблинами, которые при виде чужака пускают в ход клыки и ядовитые стрелы? Я представляла это так ярко, что на мгновение мне стало дурно: меня выкинет в чужую реальность, и я останусь одна — без Ричарда, без Барсика, без своей маленькой лавки и запаха сушёных трав.

Но женщина сказала «вернитесь», и теперь это слово пульсировало в моей голове, как живое. Я повернулась к стеллажам, провела рукой по корешкам старых книг, чувствуя, как тёплая, сухая кожа скользит по выцветшей ткани, и вдохнула полной грудью запах воска и времени. Может быть, она была права. Может быть, я просто должна была перестать ждать, что кто-то откроет мне дверь, и начать искать её сама.

Я достала брошь из кармана — она всегда была со мной, даже когда я спала. Я привыкла чувствовать её лёгкое давление сквозь ткань, её вес, который ночами, когда я ворочалась с боку на бок, упирался мне в ребро и напоминал о себе, словно маленький камешек, застрявший в подкладке судьбы. Пальцы нащупали знакомый узор — сплетение ветвей и крошечных листьев, которые казались почти живыми на ощупь, если провести по ним достаточно медленно. Я вынула её и поднесла к глазам, разглядывая при тусклом свете настольной лампы.

Серебро чуть мерцало — тусклым, каким-то сонным светом, будто оно дышало, но не просыпалось. Я провела пальцем по гладкой поверхности, по её прохладной, отполированной годами коже, ища ту самую искру, которая однажды обожгла меня в Дартисе, когда Ричард впервые надел эту брошь на меня. Но ничего. Ни тепла, ни искры, ни той вибрации, что пробегала по рукам, когда магия касалась металла. Просто вещь. Красивая, старая, немая. И всё же я продолжала носить её, прятать под рубашкой или в кармане, словно она была ключом, который я когда-нибудь поверну — в нужный день, в нужный час, когда все звёзды сойдутся и тишина станет правильной.

— Дартис, — шепнула я, и мой голос прозвучал хрипло, осевшим шёпотом в пустой лавке. Я смотрела на своё отражение в хрустальном шаре, стоящем в углу на резной подставке. Шар был тёмный, почти чёрный, но в его глубине, в самой сердцевине, я видела расплывчатые очертания своего лица — бледного, с тенями под глазами, с растрёпанными волосами, которые я уже давно перестала заправлять за уши. Я глядела на себя чужую, потерянную и сказала вслух, твёрже, чем чувствовала: — Я не забыла. И я вернусь. Я не знаю как, но я найду дорогу.

Слова повисли в воздухе, смешиваясь с запахом сухих трав и старого дерева. И в тот миг мне показалось, что шар дрогнул — какая-то рябь прошла по его глубине, но я моргнула, и всё стихло. Я заставила себя улыбнуться собственному отражению, но улыбка вышла кривой и горькой, как недозревшая рябина.

В те вечера, когда лавка закрывалась и я поворачивала ключ в замке два раза — на всякий случай, по бабушкиной привычке, — я не спешила домой. Я садилась в старое, продавленное кресло у печки, которое пахло мятой и ещё чем-то неуловимо сладким, наливала себе чай из заварочного чайника, который стоял на подоконнике, и смотрела, как пар поднимается спиралями к потолку, путаясь в пучках иссушенных трав. Чашка грела ладони, но тепло не проникало глубже кожи. Я открывала тетрадь — потёртую, с засаленными уголками и выцветшими чернилами на первой странице, — и начинала записывать всё, что помнила о Дартисе. Я водила ручкой по бумаге, выводя имена, заклинания, приметы, даже погоду в определённые дни — например, как однажды в середине лета прошёл тёплый золотистый дождь, и капли падали на листья, оставляя за собой тонкие, словно иглы, светящиеся следы. Я записывала, какой у Августа был смех — низкий, грудной, с хрипотцой, будто она смеялась не только ртом, но и всей грудью, — и как Барсик взбирался по моей ноге, выпуская коготки даже через плотную ткань платья. Тетрадь разрасталась, пахла потом и чернилами, и иногда, перелистывая её, я замечала капли воды — то ли от пролитого чая, то ли от слёз, которые я не замечала, пока писала. Может быть, это было безумие. Но это было моё безумие, единственное, что соединяло меня с тем миром, как нитка, натянутая между двумя иглами.

Однажды в конце октября — когда за окнами сыпал мелкий, колючий снег, который не ложился на землю, а таял в грязи, оставляя мокрые, липкие пятна, — я сидела в лавке, поджав ноги под себя, и перебирала старые книги бабушки. Они лежали в нижнем ящике стола, куда я редко заглядывала, потому что там пахло плесенью и мышиным помётом. Книги были тяжёлыми, с выпадающими страницами, с облупившимися корешками, от которых остались одни нитки. Я листала их медленно, с замиранием сердца, надеясь найти хоть что-то — обрывок, рисунок, намёк — о межмировых переходах. Большая часть была бесполезной: рецепты приворотов, заговоры на урожай, описания снов и их толкований. Я уже почти отчаялась, когда пальцы наткнулись на странный лист — тонкий, почти прозрачный, вставленный между страниц, как закладка. Он был другим на ощупь, не таким, как остальные: гладкий, холодный, словно шёлк, но бумага. Я вытащила его осторожно, боясь порвать, и поднесла к свету керосиновой лампы. На листе был рукописный текст, выведенный бабушкиным почерком — но не тем, привычным, округлым, которым она подписывала банки, а другим, более мелким и нервным, будто она писала его в спешке, дрожащей рукой.

Я вчиталась:

«Для возвращения в мир, из которого ты родом (или который стал твоим), необходимо найти точку пересечения. Это может быть место, предмет или человек, с которым у тебя есть связь. Сосредоточься на этой связи, произнеси имя мира трижды и отпусти магию, не пытаясь её контролировать. Если связь сильна, мир откроется».

Я перечитала текст три раза. Каждое слово врезалось в сознание, как горячее клеймо. Сердце колотилось так сильно, что я слышала его удары в висках, в горле, в кончиках пальцев, которые сжимали лист так крепко, что побелели суставы. Это был не точный рецепт — в нём не было ни пентаграмм, ни фаз луны, ни нужных трав, но это было что-то, что пахло правдой. Я чувствовала это нутром: бабушка писала эти строки не для того, чтобы украсить книгу, а потому что сама знала, о чём говорит. Возможно, достаточно, чтобы попытаться. Возможно, это был единственный шанс, и я не имела права его упустить.

Я взяла брошь в руки. Она лежала на моей раскрытой ладони, холодная и спокойная, как маленький металлический зверёк, притворяющийся мёртвым. Я закрыла глаза, и в темноте под веками сразу же всплыли образы. Тёплый свет, который струился откуда-то сверху, падал на длинный обеденный стол. Запах роз — не духов, а живых цветов, стоящих в вазе на подоконнике, смешанный с ароматом жареного мяса и пряностей. Голос Ричарда — тихий, чуть хриловатый, с теми особенными паузами между словами, когда он обдумывал, как сказать то, что хотел. Я вспомнила, как он смотрел на меня поверх бокала, и в его глазах плясали отблески свечей. Смех Августы — низкий, грудной, который начинался с громкого «ха» и затихал мелодичным бульканьем, как вода в ручье. Она всегда смеялась, запрокинув голову, и морщинки у глаз собирались в маленькие лучики. И Барсик — его ленивое мурлыканье, которое я чувствовала не только ухом, но и всем телом, когда он лежал у меня на коленях, тёплый и тяжёлый, как мешок с мукой, и вибрировал так, что у меня начинало звенеть в ушах. Всё это было здесь, внутри меня, живое, свежее, как вчера. Я чувствовала, как образы переливаются в груди, согревают рёбра изнутри, и на мгновение мне стало легче дышать.

Я прошептала, едва шевеля губами, чувствуя, как язык с трудом выталкивает звуки из пересохшего горла:

— Дартис. Дартис. Дартис.

На мгновение мне показалось, что в груди, прямо под ключицей, вспыхнула искра — острая, сладкая, похожая на ту, что бывает, когда в темноте чиркаешь спичкой. Я открыла глаза, и мир вокруг меня дрогнул. Брошь в моей руке больше не была тусклой и мёртвой — она светила слабым, золотистым светом, который струился по серебряным ветвям, заполняя каждую выемку, каждую царапину, и металл становился тёплым под моими пальцами. А за окном, вместо серого снега и хмурого октябрьского неба, я мельком увидела нечто иное — мягкий, перламутровый розовый отблеск, будто где-то за пределами моего города только что взошло солнце, которого не могло быть в этот час. Всего на секунду — я даже не успела моргнуть, — но краешком глаза я различила неясные очертания: верхушки деревьев, которые не росли на нашей улице, и крыши, покрытые черепицей нездешнего цвета. А потом всё исчезло. Снег снова стал серым, брошь остыла, и свет в ней погас, как догоревшая свеча.

Я сидела неподвижно, прислушиваясь к стуку своего сердца, и чувствовала, как по щеке скатывается слеза — тёплая, солёная, неожиданная. Я улыбнулась. Уголки губ дрожали, но я улыбнулась той улыбкой, которая рождается не от радости, а от надежды, которая боялась сама себя. Я поднесла брошь к губам — металл был ещё чуть тёплым, и я ощутила на губах едва заметный привкус серебра и чего-то сладкого, похожего на мёд.

— Я иду, — сказала я, и голос мой прозвучал твёрже, чем я ожидала. — Я иду.

С этими словами я встала с кресла, и стул жалобно скрипнул, будто тоже хотел пойти со мной. Я прошла к стеллажу, сняла с крючка свой старый рюкзак — тот самый, с которым когда-то, ещё до Дартиса, ходила в горы, — и начала собирать вещи. Я не знала ещё точно, как и когда я отправлюсь в путь. Я не знала, что взять с собой, кроме тетради, броши, зажигалки

и пары сменных носков. Но я знала, что теперь у меня есть ключ. Что он лежит у меня в ладони, тёплый и живой, и что я не успокоюсь, пока не вставлю его в ту единственную замочную скважину, которая откроет мне дорогу домой. Я взяла с полки бабушкину книгу с тем самым листом, вложила её в рюкзак, потом задержалась у стола, провела ладонью по его царапинам и прошептала в темноту: «Спасибо». Спасибо за то, что она оставила мне этот след. Спасибо за то, что я не одна. Спасибо за то, что даже в самом сером октябре есть место розовому свету.

Глава 2

Ночь опустилась на город тяжело, как мокрое, промёрзшее одеяло, которое никак не нагреешь и не скинешь с плеч. За окном — серый октябрьский дождь, монотонный и назойливый, который барабанил по стеклу тысячей мелких костяшек, смешиваясь с редкими снежинками — такими слабыми, такими невесомыми, что они не успевали коснуться земли, таяли на лету, превращаясь в ту же самую воду, ту же самую слякоть. Их мелькание за стеклом было похоже на чей-то потерянный вздох, который никто не замечает. Моя квартира была тихой, пустой, как раковина без моллюска, и пахла старым деревом, пылью и сухими травами, которые я всё ещё держала в стеклянных банках на кухонной полке — мята, зверобой, ромашка, они давно растеряли свой аромат, но я не могла заставить себя выбросить их, потому что в их сухих стеблях мне чудился отголосок лавки, бабушки, той жизни, которую я пыталась удержать пальцами, как воду в решете.

Я лежала в кровати, сжимая в ладонях подушку — она пахла моим собственным телом, чуть солёным потом и стиральным порошком, и в этом запахе не было ничего родного. Я прижимала её к груди так крепко, будто она могла заполнить пустоту между рёбрами, и смотрела на брошь, которую положила на тумбочку рядом с кроватью. Она лежала на деревянной поверхности, одинокая и холодная, и я видела, как лунный свет, пробивающийся сквозь мутное стекло, играет на её серебре, но не оживляет его. Эта брошь осталась единственным доказательством того, что Дартис был не сном, не плодом моего разгорячённого воображения, не галлюцинацией от одиночества. Я могла потрогать её, могла поцеловать, могла спрятать под подушку, но она не говорила мне — она лишь молчала, храня в себе тепло, которое я однажды почувствовала, и теперь ждала, когда я снова его разбужу.

Я уснула почти сразу, едва коснувшись головой подушки — усталость взяла своё после бесконечного дня, после десятка клиентов, которым я гадала на картах, раскладывая пасьянсы с замиранием сердца, и советовала настойки, слушая их жалобы на судьбу, на мужей, на деньги, на погоду. Я чувствовала, как веки тяжелеют, как тело проваливается в матрас, как мысли начинают расплываться, терять края и цвета. Но сон пришёл необычный — не тот привычный, вязкий сон, где я видела обрывки прошлого, пережёвывала впечатления дня или гонялась за убегающими образами, которые таяли, едва я пыталась их схватить. Это был совсем другой сон. Яркий. Прозрачный. Настоящий до боли, до дрожи в пальцах, до звона в ушах.

Я стояла в саду. В том самом саду, где мы гуляли с Ричардом под розовым солнцем, где воздух был густым и сладким, как сироп, а трава — мягкой, как бархат, и пружинила под ногами, оставляя следы, которые тут же зарастали мелкими серебристыми цветами. Вокруг цвели магические розы — белые, с тонкой серебряной каймой по краям лепестков, и они мягко светились в сумерках, излучая собственный мягкий свет, похожий на лунный, только теплее. Их аромат был сложным: я чувствовала в нём ноты мёда, свежей зелени, дождя, который вот-вот пройдёт, и ещё что-то неуловимое, похожее на звук колокольчика, хотя звук не может пахнуть. Ветви деревьев склонялись надо мной, усыпанные мелкими фонариками — то ли светлячками, то ли застывшими каплями смолы, которые тлели янтарным огнём. Где-то далеко, за густыми кронами, слышался плеск воды — фонтан, который бил ровно и мерно, как сердце. Я знала, что это сон, но не хотела просыпаться. Я хотела остаться здесь, в этом мире, где всё было правильно — где цвета были глубже, запахи острее, а каждая секунда длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы насладиться ею.

Я стояла босиком на траве и чувствовала, как прохладная земля касается моих ступней, как влага оседает на коже, оставляя липкий след. Ветер — тёплый, почти горячий, — шевелил мои волосы, касался шеи, плеч, и я слышала, как надо мной шелестят листья, перешёптываясь на языке, которого я не знала, но понимала каждое слово. Я подняла голову к небу — оно

было тёмно-фиолетовым, с проблесками розового у горизонта, и две луны висели на нём, одна бледная, почти бесцветная, другая — золотая, огромная, как щит, и они не соперничали друг с другом, а мирно делили небо.

— Ты пришла, — раздался голос за спиной — низкий, чуть хрипловатый, с теми самыми паузами между словами, которые я запомнила на всю жизнь.

Я обернулась, и сердце пропустило удар. Ричард стоял у фонтана, в том же тёмно-синем камзоле, что и на балу, расшитом серебряной нитью по воротнику и манжетам — я помнила каждую строчку, каждую петлю, потому что тогда, на балу, я разглядывала их, не зная, куда деть глаза от смущения. Его волосы были слегка растрёпаны — непослушная прядь падала на лоб, и он не убирал её, будто ему было всё равно. Глаза его — серые, с тёплым золотистым отливом, который появлялся только в магическом свете, — были серьёзны до предела, в них не было обычной его насмешливости, лишь глубокая, почти болезненная тоска, и он смотрел на меня так, будто ждал целую вечность, будто счёты времени давно потеряли смысл, и осталось только ожидание. В его руке была роза — не простая, а та, что я любила больше всего, белая с серебряным краем, и на её лепестках дрожали капли росы, каждая из которых отражала одну из двух лун. Он держал её так бережно, будто она была хрупче стекла, и я заметила, что его пальцы слегка дрожат — так же, как дрожали его руки, когда он впервые надел на меня брошь.

— Я не знала, что ты позовёшь, — сказала я, и голос мой звучал тихо, почти робко, как у девочки, которая боится спугнуть удачу. Горло сжалось, и каждое слово давалось с трудом, будто я выталкивала их из ваты. Я чувствовала, как слёзы подступают к глазам, но не давала им пролиться — я не хотела, чтобы наш разговор начался с мокрых щёк.

— Я зову тебя каждую ночь, — ответил он, и в его голосе проскользнула та же хрипотца, которая была у него, когда он говорил о чём-то важном и личном. — Просто ты слышишь только сегодня. — Он сделал паузу, и я видела, как его кадык дёрнулся, когда он сглотнул. — Я не переставал звать. Даже когда мои собственные голосовые связки срывались на шёпот. Я искал тебя в каждом отражении, в каждой капле дождя, в каждом пламени свечи. И сегодня ты услышала.

Он подошёл ближе, и я почувствовала знакомый запах — драконья кожа, сосновая смола, лёгкая горчинка восковых свечей и что-то ещё, личное, только его, что невозможно было описать словами: запах грозы и старого пергамента, смешанный с теплом тела. Он остановился в шаге от меня, не решаясь коснуться, и я видела, как его руки, опущенные вдоль тела, сжимаются в кулаки и разжимаются, словно он боролся с желанием протянуть их ко мне. Воздух между нами стал плотным, вязким, наполненным электричеством, и я чувствовала, как волоски на руках встают дыбом. Он смотрел на меня сверху вниз, и я видела в его глазах отражение двух лун — золотой и серебряной, они плавали в его зрачках, как два маленьких корабля.

— Я скучаю, — сказал он просто, и от этой простоты у меня перехватило дыхание. — Я не знаю, как объяснить это словами. Я искал тебя. Через магию, через сны, через старых знакомых, даже через тех, кого я не должен был тревожить. Я бы перевернул этот мир, если бы знал, где ты. Я бы разобрал по кирпичикам каждый камень в Дартисе, если бы это помогло мне найти ту трещину, через которую ты проскользнула. Ты ведь тоже ищешь меня? — спросил он, и его голос сорвался на последнем слове, стал тоньше, уязвимее, и я увидела, как его ресницы дрогнули.

Я кивнула, и в этот миг слёзы, которые я сдерживала, наконец прорвались — они потекли по щекам горячими дорожками, оставляя солёный след. Я чувствовала, как капли падают на траву, и на том месте, где они касались земли, вспыхивали крошечные серебристые цветы, похожие на те, что росли вокруг нас. Я не вытирала слёзы — они текли свободно, и я позволяла им течь, потому что они были единственным доказательством того, что это происходит наяву, что я не сплю, что он действительно стоит передо мной.

— Я ищу. Каждый день, — сказала я, и голос мой прерывался, дрожал, как лист на ветру. — Я ношу твою брошь и пытаюсь пробить стену между мирами. Я перечитала все книги, все тетради, все записи бабушки. Я сижу в своей лавке и вглядываюсь в хрустальный шар, пока глаза не начинают слезиться. Я говорю твоё имя в пустоту, и мне кажется, что стены реагируют, но я не знаю, как преодолеть расстояние. Я не знаю, достаточно ли моей любви, чтобы проложить мост между нами.

— Я знаю, — он улыбнулся, и улыбка его была печальной, такой печальной, что у меня сжалось сердце, словно в кулаке. В уголках его глаз собрались мелкие морщинки, которых я раньше не замечала, и я поняла, что он тоже истончился от ожидания, что он тоже проводит ночи без сна. — Я чувствую. Твоя магия — она сильная. Она пахнет тобой — мятой, старым деревом и чем-то горьким, как полынь. И она тянется ко мне через всё это пространство, через все эти слои реальности. Я чувствую её, когда закрываю глаза, когда ложусь спать, когда я стою на балконе и смотрю на луну. Но между нами — расстояния, которые я пока не могу преодолеть. Я перепробовал всё: ритуалы, которые знали только мои предки, артефакты, собранные из разных миров, даже призвал драконьего хранителя, который сказал мне, что путь закрыт, пока не придет время. Но я не верю хранителям. Я верю только себе и тебе.

Он поднял руку, но замер на полпути, словно боялся, что его пальцы пройдут сквозь меня, как сквозь дым. Я видела, как воздух между нами искрится, как светятся магические розы вокруг нас ярче, словно они тоже ждали этого момента. Его ладонь дрожала, и я чувствовала, как тепло исходит от неё даже на расстоянии.

— Но я обещаю: я найду способ, — продолжил он, и голос его стал твёрже, как будто он давал клятву, которая была нерушима. — Я верну тебя. Даже если для этого придётся бросить всё: трон, империю, всё, что у меня есть. Трон — это просто кресло, империя — просто карта. А ты — это то, что сделало меня живым. Я верну тебя, потому что ты — мой выбор. Ты — моё сердце.

Я хотела ответить, но слова застревали в горле — они были слишком тяжёлыми, слишком большими для моего распухшего от слёз языка, и я чувствовала, как они комкаются где-то в груди, не находя выхода. Вместо них я протянула руку и коснулась его лица — во сне это было возможно, и я чувствовала тепло его кожи, живую, настоящую температуру, которая исходила от его скулы, от той лёгкой щетины, что уже начала пробиваться к вечеру, от его губ, которые чуть дрожали под моими пальцами. Это было реальнее, чем всё, что я видела за последние три месяца на Земле — реальнее серого неба, реальнее запаха мокрого асфальта, реальнее голосов клиентов, которые просили настойки и гадания. Я чувствовала, как его дыхание касается моих запястий, тёплое и прерывистое, как биение пульса под его виском отдаётся в моих подушечках, как вена на его шее пульсирует в такт моему сердцу, и я знала, что мы бьёмся в одном ритме, как две половины одного целого.

— Я жду, — сказала я наконец, и голос мой вырвался наружу хриплым, надломленным шёпотом, сквозь слёзы, которые лились по щекам и падали на траву, превращаясь в светящиеся капли. — Я буду ждать сколько нужно. Я буду ждать год, десять лет, всю свою жизнь — если понадобится. Только приди за мной. Пожалуйста. Не оставляй меня здесь одну, с этим серым небом и этой пустотой. Пожалуйста, — повторила я, и в голосе моём звучала такая мольба, какой я никогда не позволяла себе наяву, потому что наяву я должна была быть сильной, собранной, взрослой ведьмой, которая держит лавку и советы для чужих судеб.

— Я приду, — сказал он, и его голос был твёрже, чем когда-либо — в нём звучала сталь и обещание, которое не могло быть нарушено, потому что оно было выковано не в горне, а в самом центре его существа. — Обещаю. Клянусь двумя лунами Дартиса, клянусь своей кровью, которая течёт так же, как твоя. Я приду.

Он наклонился и поцеловал меня в лоб — легко, почти невесомо, как касание крыла ночной бабочки, но в этом прикосновении было столько тепла, что я почувствовала, как оно

разливается по всему моему телу: начинается от точки на лбу, где его губы коснулись кожи, и растекается вниз, по затылку, по шее, по плечам, по рукам, до самых кончиков пальцев, согревая каждую клетку, каждую косточку, каждый нерв, который за три месяца успел остыть и съёжиться. Его дыхание коснулось моих волос, и я уловила тот самый запах, который искала в каждой земной вещи — драконья кожа, сосновая смола, горьковатый воск свечей, и что-то ещё, что я не могла назвать, но что врезалось в мою память как собственное имя.

А потом его образ начал таять. Он становился прозрачным, как утренний туман над озером в Дартисе, когда солнце только начинает подниматься и испаряет влагу с водной глади, оставляя лишь призрачные нити, которые плывут над камышами. Его контуры теряли чёткость: сначала исчезли пуговицы на камзоле, потом складки ткани, потом линия плеч, и я видела, как его лицо становится размытым, как акварель под дождём, а глаза, эти серые с золотым отливом глаза, всё ещё смотрели на меня с той же силой, с той же болью и любовью, даже когда их форма начала расплываться.

— Не уходи, — прошептала я, и голос мой сорвался на животный, детский плач, которого я не слышала от себя уже много лет. — Пожалуйста, не уходи. Я не знаю, что делать без тебя. Я не знаю, как просыпаться и не видеть тебя рядом. Я не знаю, как дышать этим воздухом, который не пахнет тобой.

— Я всегда с тобой, — донеслось уже издалека, словно его голос доносился сквозь слой ваты, сквозь толщу воды, сквозь миллионы миров. — Ты чувствуешь меня. Просто помни. Помни каждое слово. Помни мои руки, мой голос, моё обещание. Ты не одна. Никогда. Даже когда кажется, что стены смыкаются — я внутри тебя.

И я проснулась.

Я открыла глаза, и первое, что я увидела, — бледный, серый потолок с той самой трещиной, которая каждое утро напоминала мне о том, что я здесь, на Земле. Комната была залита серым светом утра — тем особенным, молочным светом, который бывает только в конце октября, когда солнце слишком слабо, чтобы пробиться сквозь облака, и всё вокруг кажется недоэкспонированным снимком. Дождь всё ещё шёл за окном, и его капли стучали по стеклу с тем же ритмом, что и вчера, — равномерным, усыпляющим, безжизненным. Но где-то на востоке, за крышами соседних домов, за тополями с голыми, мокрыми ветвями, появился слабый просвет — полоска бледного, почти невесомого золота, которая пробивалась сквозь серую пелену, как тонкая нить, прошивающая мокрую ткань. Этот просвет был таким слабым, что я могла бы принять его за игру воображения, если бы не одно "но".

На моей груди лежала брошь.

Я не помнила, чтобы клала её туда перед сном — обычно она ночевала на тумбочке, и я засыпала, глядя на её очертания в темноте. Но сейчас она лежала прямо на моём сердце, в ямке между ключицами, и была слегка тёплой, как будто её только что держали в чьих-то ладонях — не просто комнатная температура, а именно тепло живого тела, то самое тепло, которое я ощутила за мгновение до пробуждения. Я коснулась её пальцами, и металл отозвался лёгкой пульсацией, будто внутри него билось крошечное сердце, слабое и быстрое, как у птенца. Я провела по её ветвям, и мне показалось, что я всё ещё чувствую на лбу прикосновение его губ — невесомое, но бесконечно реальное.

Я прижала брошь к сердцу — прижала так крепко, что её края вдавились в кожу, оставляя следы, — и заплакала. Это были не те слёзы, которые текли по моим щекам последние три месяца по ночам — горькие, солёные, отчаянные. Это были другие слёзы: тёплые, лёгкие, как тот самый майский дождь в Дартисе, который я запомнила навсегда. Они текли по моим щекам, и я не вытирала их — пусть себе текут, пусть омывают эту усталость, которая осела на моих плечах, как ржавчина на старом ключе. Он был там. Он искал меня. Он чувствовал меня так же, как я чувствовала его, — каждой клеткой, каждым вздохом, каждым ударом пульса, который теперь бился в унисон с его собственным. Я лежала в кровати, слушая, как дождь

стучит по стеклу, и знала, что теперь я не одна. Даже если между нами — миллионы миров, слоёв реальности, стен, которые я не могу пробить, — он придёт за мной. А я буду ждать. И искать. И помнить.

Я села на кровати, и простыни скользнули по моей коже, холодные и влажные от пота — я не заметила, когда вспотела, но теперь чувствовала, что моя ночная рубашка прилипла к спине, и мурашки побежали по позвоночнику от контраста между теплом внутри и прохладой комнаты. Я подтянула колени к груди и обхватила их руками, сжимая себя в клубок, как ёжик, который только что пережил первую зимнюю стужу. Брошь я продолжала держать в ладони, сжимая её в кулаке, и чувствовала, как её тёплый металл касается моей кожи, продолжая напоминать о сне.

Я долго смотрела в окно. Снег наконец пошёл сильнее — он падал не редкими, тающими хлопьями, а настоящей белой пеленой, которая ложилась на серый асфальт, на крыши машин, на голые ветки тополей, покрывая их пушистой, сияющей шапкой. Снежинки кружились за стеклом, каждая — крошечное, хрупкое чудо, которое существовало лишь несколько секунд, прежде чем растаять или слиться с другими. И в этом сне, в этом его движении, в том, как он мягко подсвечивал серое утро, мне померещился отблеск того самого розового солнца, которое каждое утро вставало над Дартисом. Он был слабым, почти неуловимым, но я видела его — оттенок малинового и золота, который дрожал на поверхности белых снежинок, как воспоминание, которое не хочет умирать.

— Я помню, — прошептала я в пустоту комнаты, и голос мой звучал хрипло, но твёрдо. — Я помню каждое слово. Я помню, как пахла та роза. Я помню, как дрожали твои руки. И я верю тебе. Я верю, что ты придёшь. Я верю, что это был не просто сон, а мостик, который мы построили вместе, через все эти расстояния.

Я подошла к окну, и кафельный пол под босыми ногами был холодным, почти ледяным — я почувствовала, как стужа поднимается от пяток к икрам, но не обратила на неё внимания. Я коснулась пальцами холодного стекла — оно было влажным от испарений, и мои отпечатки остались на нём, два полупрозрачных пятна, которые медленно затягивались туманом. Я прижала ладонь к стеклу, и на мгновение мне показалось, что я чувствую, как за ним, за этим серым днём, есть что-то ещё — не просто город, не просто осень, а та самая тонкая грань, которая отделяет меня от Дартиса. И в этот момент где-то внутри меня зажглась маленькая искра. Она была слабой, как огонёк спички в ветреную погоду, но она была живой. Она пульсировала у меня в груди, рядом с брошью, и я знала, что это — надежда. Или магия, которая наконец перестала прятаться. Или просто знание, которое пришло из сна, из тех слов, что он сказал мне, — что всё будет хорошо, что я не потеряна, что меня ждут.

Я улыбнулась. Сквозь слёзы, которые всё ещё текли по щекам, я улыбнулась — широко, до боли в скулах, до тех самых морщинок в уголках глаз, которые появляются только у настоящего счастливых людей. И эта улыбка была настоящей. Впервые за три долгих, серых, земных месяца мои губы сложились в улыбку, которая не была натянутой, не была фальшивой, не была вежливой маской для клиентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.